

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

город Санкт-Петербург

26 мая 2011 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации – судьи Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Т.Н.Нешатаевой, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук Е.В.Виноградовой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 ГК Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в запросе законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.М.Жарковой, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Е.А.Борисенко, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, от Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии – Н.Н.Антипиной, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в лице Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, обратившийся в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, оспаривает конституционность положений пункта 1 статьи 11 ГК Российской

Федерации, статьи 28 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» и Федерального закона от 24 июля 2002 года № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», которыми определяется подведомственность споров третейским судам.

1.1. Арбитражный суд Республики Татарстан определениями от 24 июля 2009 года и от 29 июля 2009 года, оставленными без изменения постановлениями Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 24 сентября 2009 года, удовлетворил заявления ООО «Коммерческий банк экономического развития «Банк Казани» как кредитора-залогодержателя о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение вынесенных в его пользу решений Постоянно действующего третейского суда «Право» от 25 марта 2009 года о взыскании с должников (ООО «ДатаДот-Закамье» и ООО «Торговый Альянс») задолженности по кредитным договорам, об обращении взыскания на заложенное по договорам об ипотеке имущество (нежилые помещения), которое принадлежит на праве собственности ООО «БулгарРегионСнаб», и о реализации этого имущества на публичных торгах с направлением полученных денежных средств на погашение задолженности по кредитным договорам и расходов по третейскому сбору.

Определениями Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 марта 2010 года, принятыми по заявлениям ООО «БулгарРегионСнаб» о пересмотре в порядке надзора указанных судебных актов, соответствующие дела переданы в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, который, в свою очередь, приостановил производство по этим делам в связи с обращением в Конституционный Суд Российской Федерации.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации просит признать положения пункта 1 статьи 11 ГК Российской Федерации, статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Закона Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» и Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» не соответствующими Конституции Российской Федерации по следующим основаниям.

По мнению заявителя, указанные законоположения, устанавливая судебный порядок обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество, вместе с тем отождествляют его с процедурой обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество на основании решения третейского суда, третейский суд – с государственным судом (судом общей юрисдикции, арбитражным судом), а акт третейского суда – с судебным актом; присущая этим законоположениям неопределенность в части регулирования подведомственности споров третейским судам не позволяет однозначно ответить на вопрос, могут ли третейские суды разрешать споры о недвижимом имуществе и выносить решения, которые влекут переход прав на это имущество, их государственную регистрацию и внесение соответствующих изменений в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также обращение взыскания в том числе на заложенное имущество; кроме того, они не отвечают однозначно на вопрос, могут ли третейские суды рассматривать споры, затрагивающие интересы третьих лиц; в результате, поскольку ни суды, ни участники экономического оборота не могут точно определить, на какие гражданско-правовые споры, касающиеся недвижимого имущества (в том числе в связи с публично-правовой составляющей этих споров), не распространяется компетенция третейских судов (международных коммерческих арбитражей), создается возможность противоречивой правоприменительной практики, что

ведет к нарушению конституционного принципа стабильности условий хозяйствования, противоречит публичным интересам и не соответствует статьям 8 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 45 (часть 2), 47 (часть 1), 55 и 118 Конституции Российской Федерации.

1.2. Как следует из статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пункта 3¹ части первой статьи 3, статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по запросу суда проверяет конституционность закона, подлежащего применению в конкретном деле, рассматриваемом этим судом; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в запросе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению.

В делах, надзорное производство по которым приостановлено Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в связи с обращением в Конституционный Суд Российской Федерации, предметом спора являются требования залогодержателя о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейского суда о взыскании задолженности по кредитным договорам и об обращении взыскания на недвижимое имущество, заложенное по договорам об ипотеке. В этих делах, по которым в качестве сторон привлечены как должники, так и залогодатель, нормы, определяющие компетенцию международного коммерческого арбитража, применению не подлежат, а следовательно, проверка конституционности Закона Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» в данном случае фактически означала бы его проверку в порядке абстрактного нормоконтроля на основании статьи 125 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Соответственно, производство по настоящему делу в этой части в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного

закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит прекращению.

Что касается Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», то заявитель не указал, конституционность каких конкретно его статей он подвергает сомнению. Однако поскольку им поставлен вопрос о подведомственности третейским судам споров, вытекающих из гражданских правоотношений, которая в названном Федеральном законе непосредственно определяется пунктом 2 статьи 1, именно данное законоположение Конституционный Суд Российской Федерации и рассматривает в качестве предмета обращения в этой части.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения пункта 1 статьи 11 ГК Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в той части, в какой этими законоположениями в их взаимосвязи регулируется вопрос о правомочии третейских судов рассматривать гражданско-правовые споры, касающиеся недвижимого имущества (в том числе об обращении взыскания на недвижимое имущество, заложенное по договору об ипотеке), и о государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании решений, принятых по этим спорам третейскими судами.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1); правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом; судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства; судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным

конституционным законом; создание чрезвычайных судов не допускается (статья 118); право на судебную защиту является непосредственно действующим, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, часть 1; статья 18).

Вытекающий из приведенных конституционных положений принцип беспрепятственного доступа к правосудию признается международным сообществом в качестве фундаментального принципа: согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 6) и Международному пакту о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 14) каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства всех перед судом.

Соответственно, Российская Федерация как правовое государство обязана обеспечивать эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, на основе законодательно закрепленных критериев, которые в нормативной форме (в виде общих правил) определяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в данном вопросе (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 года № 9-П, от 20 февраля 2006 года № 1-П, от 17 января 2008 года № 1-П, от 25 марта 2008 года № 6-П и др.).

Ценность права на судебную защиту как важнейшей конституционной гарантии всех других прав и свобод обусловлена особым местом судебной власти в системе разделения властей и ее прерогативами по осуществлению правосудия, вытекающими из статей 10, 11 (часть 1), 18, 118 (часть 2), 120

(часть 1), 125–127 и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Именно судебная власть, независимая и беспристрастная по своей природе, играет решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина, и именно суд окончательно разрешает спор о праве, чем предопределяется значение судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 года № 8-П и от 17 марта 2009 года № 5-П).

Гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, Конституция Российской Федерации одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2). К числу таких – общепризнанных в современном правовом обществе – способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обуславливаются диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений, относится обращение в третейский суд – международный коммерческий арбитраж или внутренний третейский суд (постоянно действующий третейский суд или третейский суд, образованный сторонами для решения конкретных споров (*ad hoc*)).

В Российской Федерации право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд основано на статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 8 (часть 1), согласно которой в Российской Федерации гарантируются свобода экономической деятельности и поддержка конкуренции, и статьей 34 (часть 1), закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

По смыслу статей 10, 11 (часть 1), 118 (часть 1) и 124–128 Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», третейские суды не осуществляют государственную (судебную) власть и не входят в судебную систему Российской Федерации, состоящую из государственных судов. Это, однако, не означает, что Конституция Российской Федерации исключает тем самым возможность разрешения гражданско-правовых споров между частными лицами в процедуре третейского разбирательства посредством третейских судов, действующих в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями.

Предоставление заинтересованным лицам права по своему усмотрению обратиться за разрешением спора в государственный суд (суд общей юрисдикции, арбитражный суд) в соответствии с его компетенцией, установленной законом, или выбрать альтернативную форму защиты своих прав и обратиться в третейский суд – в контексте гарантий, закрепленных статьями 45 (часть 2) и 46 Конституции Российской Федерации, само по себе не может рассматриваться как их нарушение, а, напротив, расширяет возможности разрешения споров в сфере гражданского оборота.

Стороны спора, заключая соглашение о его передаче на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свое право на свободу договора, добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для конкретного третейского суда. В таких случаях право на судебную защиту, которая – по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации – должна быть полной, эффективной и своевременной, обеспечивается возможностью обращения в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (определения Конституционного Суда Российской

Федерации от 26 октября 2000 года № 214-О, от 15 мая 2001 года № 204-О, от 20 февраля 2002 года № 54-О и от 4 июня 2007 года № 377-О-О).

Европейский Суд по правам человека при применении соответствующих положений статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод также исходит из того, что стороны в гражданско-правовых отношениях могут, не прибегая к рассмотрению дела судом, заключить соответствующее соглашение, в том числе в виде арбитражной оговорки в договоре, и разрешить спор путем третейского разбирательства, – такой отказ от права на рассмотрение своего дела судом не нарушает Конвенцию при условии, что он совершается без принуждения (постановление от 27 февраля 1980 года по делу «Девер (Deweer) против Бельгии»). Европейский Суд по правам человека полагает, что статья 6 Конвенции не исключает создание третейских судов для разрешения споров между частными лицами; слово «суд» в ее пункте 1 не обязательно должно пониматься как суд классического типа, встроенный в стандартный судебный механизм страны, и может подразумевать орган, учрежденный для решения ограниченного числа особых вопросов, при неизменном условии, что им соблюдаются необходимые гарантии (постановления от 8 июля 1986 года по делу «Литгоу и другие (Lithgow and others) против Соединенного Королевства» и от 3 апреля 2008 года по делу «Риджент Кампани (Regent Company) против Украины»).

Тем самым подтверждается правомерность обращения частных лиц – в пределах реализации ими на основе автономии воли права на свободу договора – к третейскому разбирательству в сфере гражданских правоотношений, где допускается разрешение споров посредством общественного саморегулирования, а публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры третейского разбирательства, что предполагает наличие гарантий справедливости и беспристрастности, присущих любому судебному разбирательству в силу требований статьи 46 Конституции Российской

Федерации во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

3. Основанная на положениях Конституции Российской Федерации возможность разрешения гражданско-правовых споров посредством третейского разбирательства закреплена в гражданском законодательстве и соответствующих процессуальных нормах, предметом регулирования которых обусловлено и использование применительно к третейскому разбирательству как альтернативной форме защиты гражданских прав термина «суд».

Согласно пункту 1 статьи 11 ГК Российской Федерации защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд. Исходя из этого частью третьей статьи 3 ГПК Российской Федерации и частью 6 статьи 4 АПК Российской Федерации предусматривается возможность передачи по соглашению сторон подведомственного суду (арбитражному суду) спора, возникающего из гражданских правоотношений, до принятия судом (арбитражным судом) первой инстанции судебного постановления, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, на рассмотрение третейского суда, если иное не установлено федеральным законом. Соответственно, в силу пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» в третейский суд может по соглашению сторон третейского разбирательства передаваться любой спор, возникающий из гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом.

3.1. Возможность рассмотрения третейским судом гражданско-правовых споров конкретизирована в Земельном кодексе Российской Федерации, закрепляющем право сторон передать земельный спор на разрешение в третейский суд (пункт 2 статьи 64), Федеральном законе «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с

ним», предусматривающем государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, установленных решением суда, арбитражного суда или третейского суда (статья 28), Федеральном законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)», предусматривающем погашение регистрационной записи об ипотеке на основании решения суда, арбитражного суда или третейского суда о прекращении ипотеки (статья 25) и определяющем последствия предъявления к залогодателю иска о признании права собственности на заложенное недвижимое имущество в суде, арбитражном суде, третейском суде (пункт 1 статьи 33) и судебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество (статья 51).

Указание на гражданско-правовой характер спора как критерий его возможного разрешения посредством третейского разбирательства означает, что в системе действующего правового регулирования не допускается передача на рассмотрение третейского суда споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, а также дел, рассматриваемых в порядке особого производства, не отвечающих традиционным признакам споров о праве (дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, и др.). Такое ограничение сферы компетенции третейских судов связано с природой гражданских правоотношений, которые, как следует из статей 8, 19, 34 и 35 Конституции Российской Федерации и конкретизирующей их положения статьи 1 «Основные начала гражданского законодательства» ГК Российской Федерации, основаны на признании равенства участников, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Присущий гражданским правоотношениям принцип диспозитивности, в силу которого граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем

интересе, свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (пункт 2 статьи 1 ГК Российской Федерации), распространяется и на процессуальные отношения, связанные с рассмотрением в судах в порядке гражданского судопроизводства споров, возникающих в ходе осуществления физическими и юридическими лицами предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В гражданском судопроизводстве диспозитивность означает, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорных материальных правоотношений, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом. Данное правило распространяется и на процессуальные отношения, возникающие в связи с оспариванием решений третейских судов, поскольку в основе этих процессуальных отношений лежит договор, согласно которому стороны (частные лица) доверяют защиту своих гражданских прав избранному им составу третейского суда и признают его решения.

Этим не затрагивается право федерального законодателя в рамках предоставленной ему дискреции в регулировании данного вопроса (пункты «в», «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации) определять – исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов – перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, в зависимости от их социальной значимости, конкретных условий развития гражданского оборота и социально-экономической системы в целом, укоренения правовых начал рыночного хозяйства, правовой культуры и других факторов и вносить в этот перечень изменения. Такие изменения, однако, не могут осуществляться путем произвольного снижения уже достигнутого уровня гарантированности права участников гражданского оборота на использование для защиты своих прав третейского разбирательства, без учета сложившегося правового регулирования,

призванного обеспечивать стабильность и динамизм гражданского оборота и предсказуемость в использовании процессуальных возможностей для его участников.

3.2. Порядок образования и деятельности третейских судов, общие принципы определения категорий споров, которые могут рассматриваться третейским судом по соглашению сторон спора, формы государственного контроля за третейским разбирательством, а также права сторон и заинтересованных лиц по оспариванию результатов рассмотрения дела третейским судом регулируются Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации».

Согласно названному Федеральному закону третейский суд разрешает споры на основании Конституции Российской Федерации, законов, иных нормативных правовых актов, действующих в Российской Федерации, и принимает решение в соответствии с условиями договора и с учетом обычаев делового оборота (статья 6); третейское разбирательство осуществляется на основе принципов законности, конфиденциальности, независимости и беспристрастности третейских судей, диспозитивности, состязательности и равноправия сторон (статья 18); решения третейского суда исполняются добровольно; они могут быть оспорены путем подачи заявления об отмене решения в компетентный суд, а также проверены в порядке рассмотрения заявления о принудительном исполнении решения; принудительное исполнение решения третейского суда осуществляется на основе исполнительного листа, выданного компетентным судом; к числу предусмотренных данным Федеральным законом оснований отмены решения и отказа в выдаче исполнительного листа относится установление судом, что спор, рассмотренный третейским судом, не может быть предметом третейского разбирательства в соответствии с федеральным законом и (или) решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права (статьи 40, 42, 44–46).

Названный Федеральный закон предусматривает также возможность отвода третейского судьи (статьи 11–12) и принятия обеспечительных мер (статья 25), заблаговременное уведомление сторон о времени и месте заседания третейского суда (статья 27), последствия передачи сторонами спора на рассмотрение выбранного ими третейского суда и вынесения последним обязательного для сторон решения. Кроме того, решение третейского суда влечет ряд публично значимых последствий, аналогичных последствиям решений государственных судов: так, решение третейского суда (за исключением случаев, если суд отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение этого решения) является основанием для прекращения производства по делу о рассмотрении спора между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям (абзац шестой статьи 220 ГПК Российской Федерации, пункт 3 части 1 статьи 150 АПК Российской Федерации); наличие такого решения является также основанием для отказа в принятии искового заявления по гражданскому делу судом общей юрисдикции (пункт 3 части первой статьи 134 ГПК Российской Федерации).

Приведенные законоположения, гарантируя участникам третейского разбирательства необходимые процессуальные права, направлены на обеспечение принципа справедливого судебного разбирательства, который – по смыслу статей 46 (часть 1) и 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод – распространяется как на разбирательство в государственном суде, так и на третейское разбирательство. Вместе с тем это не означает отождествление третейской формы защиты права с судебной защитой как таковой, осуществляемой государственными судами, а третейских судов как институтов гражданского общества – с судами Российской Федерации, которые в соответствии со статьями 10, 11 (часть 1) и 118 Конституции Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» в рамках разделения государственной власти на законодательную,

исполнительную и судебную осуществляют судебную власть и образуют судебную систему Российской Федерации.

Передача спора, который возник или может возникнуть между сторонами какого-либо конкретного правоотношения, на рассмотрение третейского суда остается альтернативной формой защиты права и не превращает сам по себе порядок третейского разбирательства в собственно судебную форму защиты права, равно как и не порождает иных юридических последствий, помимо предусмотренных законом именно для третейского решения, которое – в силу юридической природы третейского разбирательства – принимается третейским судом от своего имени, обязательно для сторон на основе добровольного исполнения, а обеспечение его принудительного исполнения находится за пределами третейского рассмотрения и является задачей государственных судов и органов принудительного исполнения.

3.3. Таким образом, пункт 1 статьи 11 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» и в системе норм данного Федерального закона, предусматривая возможность разрешения споров посредством третейского суда и закрепляя его статус как альтернативной формы разрешения гражданско-правовых споров, выражают тенденцию к упрочению демократических начал правосудия и как таковые не противоречат Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьям 8 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 45 (часть 2), 46, 55 и 118.

4. В системе действующего правового регулирования решения третейских судов не только порождают обязательство их исполнения лицами, участвующими в третейском разбирательстве, но и являются основанием для совершения иными субъектами определенных юридически значимых действий.

Так, если решением третейского суда, принятым по результатам рассмотрения спора, касающегося недвижимого имущества, установлены

права на это имущество, регистрирующий орган обязан совершить действия по их государственной регистрации. Статья 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», закрепляя данную обязанность регистрирующего органа в отношении прав, установленных решением суда, арбитражного суда, третейского суда, определяет тем самым правовые последствия вынесения решения третейского суда по спору, касающемуся недвижимого имущества, равные – для целей государственной регистрации прав на такое имущество – последствиям вынесения решения государственным судом (общей юрисдикции или арбитражным).

Государственной регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним подлежат, согласно пункту 1 статьи 131 ГК Российской Федерации, право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним представляет собой юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и единственное доказательство существования зарегистрированного права на недвижимое имущество, которое может быть оспорено только в судебном порядке (статья 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»).

Законодательное закрепление необходимости государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество является, таким образом, признанием со стороны государства публично-правового интереса в установлении принадлежности недвижимого имущества конкретному лицу, чем обеспечивается защита прав других лиц, стабильность гражданского оборота и предсказуемость его развития. Вместе с тем в практике арбитражных судов начиная с 2005 года государственная регистрация сделок

и иных юридически значимых действий с недвижимостью рассматривается как «публичный элемент», включение которого в гражданско-правовые споры относительно объектов недвижимого имущества позволяет приравнять эти споры к спорам публично-правового характера, что исключает возможность их разрешения посредством третейского разбирательства.

Подобная практика опирается на рекомендации, содержащиеся в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2005 года № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов», согласно пункту 27 которого арбитражный суд отказывает в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, которое обязывает регистрирующий орган зарегистрировать право собственности на недвижимое имущество за стороной третейского разбирательства, так как вопросы публично-правового характера (регистрация недвижимости) не могут быть предметом рассмотрения в третейском суде.

Такой подход, основанный на отождествлении публично-правовых споров и гражданско-правовых споров, решение по которым влечет за собой необходимость государственной регистрации прав на недвижимое имущество, не учитывает конституционно-правовую природу соответствующих правоотношений. Публично-правовой характер споров, предопределяющий невозможность их передачи на рассмотрение третейского суда, обуславливается не видом имущества (движимого или недвижимого), а спецификой правоотношений, из которых возникает спор относительно данного имущества, и составом участвующих в споре лиц. Требование же государственной регистрации недвижимого имущества не связано ни со сторонами спора, ни с характером правоотношения, по поводу

которого он возник, – определяющим является природа объекта данного имущественного правоотношения.

Следовательно, отношения по поводу государственной регистрации нельзя считать содержательным элементом спорного правоотношения, суть которого остается частноправовой, а «публичный эффект» появляется лишь после удостоверения государством результатов сделки или иного юридически значимого действия. Кроме того, поскольку те же правоотношения (обязательственного или вещного характера) с тем же составом участников, но относительно объектов движимого имущества не требуют, по общему правилу, государственной регистрации, последняя не может рассматриваться как влияющая на природу спора в целом, – она отражает лишь особое внимание государства к обороту объектов недвижимого имущества, который таким образом не остается исключительно в сфере контроля самих участников гражданско-правовых сделок, но попадает также в сферу контроля со стороны государства при каждом новом юридически значимом действии.

Как формальное условие обеспечения государственной, в том числе судебной, защиты прав лица, возникающих из договорных отношений, объектом которых является недвижимое имущество, государственная регистрация призвана лишь удостоверить со стороны государства юридическую силу соответствующих правоустанавливающих документов, она не затрагивает самого содержания гражданского права и не ограничивает свободу договоров, юридическое равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность сторон (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 года № 154-О).

Таким образом, государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним – как акт регистрирующего государственного органа, имеющий место после совершения тех или иных юридически значимых действий с объектами недвижимого имущества, – не являясь фактором, изменяющим саму природу гражданско-правовых отношений по

поводу этого имущества, имеет целью обеспечение их большей прозрачности и достоверности, служит дополнительной гарантией надлежащего оформления совершаемых сделок и позволяет осуществлять контроль за их правомерностью, необходимость которого обусловлена особым правовым положением недвижимого имущества и его значением как объекта гражданских прав. Соответственно, обязательность государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее возможность передачи споров по поводу недвижимого имущества на рассмотрение третейских судов.

Равным образом не исключает такую возможность и пункт 2 части 1 статьи 248 АПК Российской Федерации, относящий споры, предметом которых являются недвижимое имущество, если такое имущество находится на территории Российской Федерации, или права на него, к исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации по делам с участием иностранных лиц.

Названная норма – по ее смыслу в системе других предписаний главы 32 «Компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц» АПК Российской Федерации – направлена на разграничение компетенции государственных судов различных стран по рассмотрению трансграничных споров. Ее толкование как устанавливающей исключительную подсудность споров относительно недвижимого имущества арбитражным судам, т.е. исключающей возможность передачи этих споров на рассмотрение третейских судов, не основано на понимании института исключительной подсудности как закрепляющего неизменяемые правила о компетенции внутри системы государственных судов для целей исключения пророгационных соглашений, но не препятствующего сторонам использовать альтернативные юрисдикционные формы при соблюдении общих правил, установленных для них законом.

5. В соответствии со статьей 31 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» исполнение решения третейского суда – обязанность сторон, заключивших третейское соглашение, подлежащая осуществлению добровольно. Этому правилу корреспондирует предписание пункта 1 статьи 44 названного Федерального закона, согласно которому решение третейского суда исполняется добровольно в порядке и сроки, установленные в данном решении.

Поскольку добровольное исполнение решения третейского суда является надлежащим исполнением соответствующего гражданско-правового договора, в силу которого стороны признали компетенцию избранного ими третейского суда и окончательность его решения для себя, постольку оно находится вне сферы действия статьи 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Если же решение третейского суда добровольно не исполнено, оно подлежит принудительному исполнению по правилам исполнительного производства, действующим на момент исполнения решения третейского суда, на основе выданного компетентным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (пункт 1 статьи 45 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации»).

Заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору, возникшему из гражданских правоотношений при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, рассматривается арбитражным судом в соответствии со статьей 236 АПК Российской Федерации. В процессе исполнительного производства, которое возбуждается на основании исполнительного листа, выданного арбитражным судом на принудительное исполнение решения третейского суда, судебный пристав-исполнитель может обратить взыскание на имущество должника посредством его принудительной реализации, которая осуществляется путем продажи этого имущества с публичных торгов (часть 1 статьи 69, часть 3 статьи 78 и статья

89 Федерального закона «Об исполнительном производстве», статья 56 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»).

5.1. Согласно статье 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» обращение взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке, производится по решению суда, под которым, по смыслу статьи 33 данного Федерального закона, понимается решение суда общей юрисдикции, арбитражного суда или третейского суда.

В данном случае понятие «судебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество», для целей Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» подразумевающее обращение взыскания на заложенное имущество на основании решения как государственного, так и третейского суда, используется для отграничения от внесудебного порядка обращения взыскания на заложенное имущество, допускаемого в случаях, предусмотренных статьей 55 названного Федерального закона, и предполагающего удовлетворение требований залогодержателя за счет стоимости заложенного имущества без обращения в суд, на основании одного лишь соглашения между залогодержателем и залогодателем.

Приравнивание последствий вынесения решения государственного суда и третейского суда для целей обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество не означает включение третейского суда в судебную систему Российской Федерации или отождествление государственных и третейских судов. При этом спор об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество не является спором о правах на это имущество, поскольку его предмет – осуществление действий, результатом которых должна быть передача денежных средств (статья 61 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»).

Материально-правовой предпосылкой обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество служит неисполнение должником основного обязательства, обеспеченного залогом. Кроме того, обращение взыскания на принадлежащее должнику недвижимое имущество может

иметь место и в рамках исполнительного производства, возбужденного на основании исполнительного листа, выданного государственным судом в целях исполнения решения третейского суда о взыскании задолженности. Решение третейского суда об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество, соответственно, не требует внесения изменений в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

5.2. По смыслу статьи 56 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», имущество, заложенное по договору об ипотеке, на которое по решению третейского суда обращено взыскание в соответствии с данным Федеральным законом, реализуется либо путем продажи с публичных торгов в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством (что в силу Федерального закона «Об исполнительном производстве» подразумевает процедуру принудительного исполнения таких решений, а следовательно – необходимость получения исполнительного листа), либо – с согласия залогодателя и залогодержателя – с открытого аукциона в порядке, предусмотренном статьей 59 данного Федерального закона, за исключением имущества, на которое в соответствии с пунктом 2 его статьи 55 не может быть обращено взыскание во внесудебном порядке. При этом в обоих случаях основанием для перехода права на заложенное имущество являются результаты публичных торгов или открытого аукциона, а не решение третейского суда.

Лицо, в пользу которого вынесено решение третейского суда (взыскатель, залогодержатель), при объявлении публичных торгов несостоявшимися вправе по соглашению с залогодателем приобрести заложенное имущество (пункт 2 статьи 58 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)») либо – при объявлении повторных публичных торгов несостоявшимися – вправе при определенных обстоятельствах оставить за собой заложенное имущество (пункт 4 статьи 58 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»), часть 11

статьи 87 и часть 3 статьи 92 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). В этих случаях решение третейского суда также не является основанием для перехода права на заложенное недвижимое имущество, поскольку его приобретение стороной третейского разбирательства – взыскателем опирается соответственно либо на признание публичных торгов несостоявшимися и соглашение, заключенное с залогодателем, либо на признание повторных публичных торгов несостоявшимися. Кроме того, по смыслу пункта 4 статьи 58 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», на эти случаи распространяются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре купли-продажи.

5.3. Таким образом, решение третейского суда об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество влечет за собой либо выдачу исполнительного листа в случае принудительного обращения взыскания (что имело место в делах, находящихся в производстве Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в связи с разрешением которых он обратился в Конституционный Суд Российской Федерации), либо проведение открытого аукциона, по результатам которого может перейти право собственности на заложенное имущество, – в случае добровольного исполнения решения, само же решение третейского суда не влечет перехода прав на заложенное недвижимое имущество.

Соответственно, взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 11 ГК Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», которыми разрешение третейским судом спора об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество приравнивается к судебному порядку обращения взыскания на заложенное имущество, не могут рассматриваться как нарушающие гарантии права собственности, установленные статьей 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

6. По смыслу статей 1 (часть 1), 2, 18, 46, 55 (часть 3) и 118 Конституции Российской Федерации, обязывающих Российскую Федерацию как правовое государство к созданию эффективной системы защиты конституционных прав и свобод посредством правосудия, неотъемлемым элементом нормативного содержания права на судебную защиту, имеющего универсальный характер, является право заинтересованных лиц, в том числе не привлеченных к участию в деле, на обращение в суд за защитой своих прав, нарушенных неправосудным судебным решением.

6.1. В соответствии с действующим правовым регулированием в случаях, когда решение третейского суда вынесено о правах и обязанностях лиц, не участвовавших в третейском разбирательстве (в том числе по спорам, возникающим из вещных правоотношений), такие лица располагают для защиты своих прав теми же правовыми средствами, которые предусмотрены для защиты от нарушений, допущенных при вынесении решения государственным судом, в том числе они вправе предъявлять в компетентный суд самостоятельный иск, а также оспаривать решение третейского суда, вынесенное по спору, выходящему за рамки правового конфликта сторон третейского разбирательства, в соответствии с процедурами, предусмотренными главой 30 АПК Российской Федерации. При этом в практике арбитражных судов за лицами, не участвовавшими в третейском разбирательстве, признается право обратиться в арбитражный суд за защитой своих прав, нарушенных или оспариваемых в результате вынесения решения третейского суда, на основании статьи 46 Конституции Российской Федерации и части 1 статьи 4 АПК Российской Федерации (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2009 года № 12523/09).

Применительно к оспариванию решений третейских судов в гражданском процессе в судах общей юрисдикции Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что часть первая статьи 418 ГПК Российской Федерации, в соответствии с которой решение третейского суда,

принятое на территории Российской Федерации, может быть оспорено сторонами третейского разбирательства путем подачи заявления о его отмене, не предполагает запрет на подачу такого заявления лицами, не являющимися участниками третейского соглашения, если вопрос об их правах и обязанностях разрешен третейским судом (Определение от 18 декабря 2008 года № 1086-О-П). Приведенная правовая позиция в силу единой природы гражданского судопроизводства, осуществляемого судами общей юрисдикции и арбитражными судами, и необходимости обеспечения схожего уровня гарантий при рассмотрении этими судами дел одной категории в полной мере распространяется на производство по заявлениям об оспаривании решений третейских судов в арбитражных судах.

6.2. В качестве средства правовой защиты от нарушений прав лиц, не являющихся сторонами третейского разбирательства и в нем не участвующих, в том числе при рассмотрении споров относительно недвижимого имущества, может использоваться и процедура выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

В отличие от решений государственных судов свойством принудительной исполнимости решение третейского суда наделяется только после прохождения установленных процессуальным законодательством процедур получения исполнительного листа на его принудительное исполнение (экзекватуры). Указанные процедуры предполагают проверку на предмет надлежащего, основанного на законе формирования состава третейского суда, соблюдения процессуальных гарантий прав сторон и соответствия решения третейского суда основополагающим принципам российского права, т.е. на предмет соответствия данного частноправового по своей природе акта тем требованиям, которые предъявляются законом для целей принудительного исполнения.

Такая проверка осуществляется только государственным судом (общей юрисдикции или арбитражным) в процедурах, установленных процессуальным законодательством – главой 47 ГПК Российской Федерации

и главой 30 АПК Российской Федерации – для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда или международного коммерческого арбитража, и только если решение третейского суда не исполняется должником в добровольном порядке. При этом компетентный суд отказывает в выдаче исполнительного листа в случаях, указанных в статье 426 ГПК Российской Федерации, статье 239 АПК Российской Федерации и статье 46 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», в том числе если установит, что спор не может быть предметом третейского разбирательства в соответствии с федеральным законом и (или) решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права.

Следовательно, если третейский суд при принятии решения об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество разрешил вопрос о правах и обязанностях лиц, которые не участвовали в третейском разбирательстве и не давали на него согласия, то данное обстоятельство является основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, поскольку такое решение, во-первых, содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы третейского соглашения, т.е. не соответствует закону, а во-вторых – нарушает основополагающие принципы российского права, к каковым в силу статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации относится и право каждого участвовать в процессе, в котором рассматриваются вопросы о его правах и обязанностях.

Кроме того, в действующем механизме судебного контроля определение арбитражного суда по заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, которым был разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, не являющихся сторонами третейского разбирательства, и тем самым нарушен закон, под защитой которого находятся эти лица, может быть обжаловано в арбитражный суд

кассационной инстанции в соответствии со статьей 42, частью 5 статьи 240 и статьей 273 АПК Российской Федерации непосредственно этими лицами.

6.3. Следовательно, положения пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», допускающие разрешение третейским судом спора об обращении взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке, не могут рассматриваться как нарушающие права третьих лиц, поскольку – в контексте статьи 46 Конституции Российской Федерации и во взаимосвязи с приведенными положениями процессуального законодательства – предполагается, что третейский суд не вправе разрешать спор, если в процессе третейского разбирательства затрагиваются права и обязанности лиц, которые в нем не участвуют и не давали согласия на участие в нем.

7. Таким образом, взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 11 ГК Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в их конституционно-правовом смысле в системе действующего правового регулирования:

не содержат неопределенности в вопросе о возможности передачи на рассмотрение третейскими судами споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе по поводу недвижимого имущества, которые предполагают дальнейшую государственную регистрацию перехода прав на это имущество, поскольку право участников спора на свободное распоряжение принадлежащими им гражданскими правами вытекает из статей 34 (часть 1) и 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации, а необходимость государственной регистрации перехода прав на имущество, ставшее объектом спора, сама по себе не меняет характера правоотношений, который является решающим для определения возможной компетенции третейского суда по рассмотрению такого спора;

допуская осуществление государственной регистрации прав на недвижимое имущество, а также обращение взыскания на заложенное недвижимое имущество на основании решения как государственного, так и третейского суда, не отождествляют тем самым понятия «суд» и «третейский суд» в контексте функции отправления правосудия, присущей исключительно государственному суду, но лишь приравнивают – для целей государственной регистрации или обращения взыскания на имущество – последствия вынесения решения государственным судом и посредством третейского разбирательства, что согласуется как с конституционным требованием об осуществлении правосудия только судом, так и с природой третейского разбирательства как общепризнанной альтернативной формы защиты гражданских прав;

не предполагают возможность разрешения третейским судом вопроса о правах и обязанностях лиц, не участвовавших в третейском разбирательстве и не связанных третейским соглашением, права которых подлежат защите в силу статьи 46 Конституции Российской Федерации в предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации судебных процедурах.

Именно в таком – конституционно-правовом – истолковании указанные законоположения не противоречат Конституции Российской Федерации. Вместе с тем, учитывая, что Конституцией Российской Федерации не закреплены непосредственно критерии отнесения тех или иных видов гражданско-правовых споров к компетенции третейских судов, федеральный законодатель, реализуя свои дискреционные полномочия, вправе вносить в действующее правовое регулирование третейского разбирательства изменения, в том числе с учетом настоящего Постановления, в части передачи отдельных категорий гражданско-правовых споров в исключительное ведение государственных судов.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, пунктом 2 части первой статьи 43, статьей 68, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75,

79, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 11 ГК Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», как допускающие – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – рассмотрение третейскими судами гражданско-правовых споров, касающихся недвижимого имущества (в том числе об обращении взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке), и государственную регистрацию соответствующих прав на основании решений третейских судов, не противоречащими Конституции Российской Федерации.

Конституционно-правовой смысл указанных законоположений, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности Закона Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» и Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», за исключением пункта 2 его статьи 1.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 10-П

МНЕНИЕ

судьи Конституционного Суда Российской Федерации
К.В.Арановского

Постановлением от 26 мая 2011 года № 10-П Конституционный Суд Российской Федерации признал не противоречащими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 11 ГК Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в их конституционно-правовом смысле, выраженном в том же Постановлении.

Поддерживая выводы, в нем изложенные, полагаю правильным высказать в соответствии с частью второй статьи 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» мнение по отдельному положению, которое едва ли может быть

правовой позицией ввиду его расхождения с конституционными установлениями.

1. Конституционный Суд Российской Федерации, обоснованно определяя третейские суды средством разрешения споров, институтом гражданского общества, исходил вместе с тем из того, что собственно правосудия (юрисдикции) они не осуществляют, и отнес этот вид деятельности лишь к судам, учреждаемым государством.

Придание правосудию того смысла, что оно образует лишь отправление или функцию государственной власти, не вполне согласуется с конституционным принципом правового государства и не имеет достаточных оснований в конституционных положениях, относящихся к делу.

2. Конституционное право, образуя широко распространенную традицию, последовательно исполненную в положениях Конституции Российской Федерации, поддерживает идею правовой государственности, опирается на нее и следует основным ее началам. В свою очередь, постулат о правовом государстве исходит из того, что право и государство, несмотря на их общность, даже при социально активной государственности не соединяются в слитное целое, т.е. условно обособлены.

В обособлении этом отношения между правом и государством таковы, что государство должно праву подчиниться. Причем государство оправдывает себя настолько, насколько остается в служебном положении, а право обращается к ресурсам государства, постольку они нужны для его действительного господства, верховенства. В итоге необходим тот общий вывод, что право может себя осуществлять не только через институты государственности, но и помимо них.

Государство и право имеют свои функции и ресурсы, в которых могут деятельно выражать себя как в единстве, так и по отдельности. Так, политическая дискреция, административное усмотрение получают реализацию в государственной власти с известной долей самостоятельности от правовых предписаний, поскольку те не предрешают каждый раз во всей

полноте выбор политического, финансового, международного или административного решения. И тем же образом отправление права нельзя свести лишь к деяниям государства. Правосудие (*jurisdictio*), т.е. разрешение различных споров и дел об ответственности с постановлением обязывающих решений, а в буквальном смысле – вынесение суждений, основанных на праве, представляет собой не только и не столько способ овеществления власти, сколько ресурс и принадлежность права.

Мировоззренческие основы правовой государственности, ее идейная часть – это вопрос убеждений, которые не обязан разделять каждый, тем более при конституционной свободе взглядов, мнений и при идеологическом многообразии. Считать ли правовое государство частью живой действительности, видеть ли в нем академическую абстракцию с далекими перспективами – личный выбор. Но выбор, формально сделанный народом России с учреждением Конституции 12 декабря 1993 года, в любом случае обязывает следовать если не идее правового государства, то построениям и правилам, на нем основанным. Поэтому сводить правосудие к учреждениям государства значило бы войти в противоречие с конституционными началами.

3. Представление о правосудии как об институте неизменно государственного происхождения, вовлеченном в государство как его собственное дело или как «отрасль» государственной власти, не имеет ни исторического, ни актуального подтверждения. В ретроспективе, еще до образования конституционной традиции и даже прежде чем сложилась сама государственность, правосудие обрело свои основания и формы, пусть и неразвитые, лишённые надежной опоры на публичную власть при дефиците принудительности. С образованием государства оно получило новые возможности утвердиться и возрасти в своем значении. И хотя политика или администрация не всегда способствуют, а то и вредят правосудию, отчего оно и правопорядок приходят в упадок, современное государство, в самом деле, уже давно обеспечивает своими силами деятельность правосудия в его

большой или в самой заметной и значимой части. Но наряду с правосудием, освоенным государственностью, всегда, так или иначе, востребованы юрисдикционные институты и процедуры, применяемые постоянно или по случаю (*ad hoc*) за ее рамками. Они получают признание в гражданской, общественной, корпоративной, профессиональной, в традиционной или в заново образуемой неполитической самоорганизации граждан. Значительную часть своего наполнения современный правопорядок взял именно в применении таких институтов и процедур, например, в торговом, в корпоративном праве и в судопроизводстве, в частности, негосударственных коммерческих судов.

Разумеется, по мере того как растет влияние и значение государства, часть институтов и функций общественной самоорганизации осваивает оно, принимая их в свое ведение, под прямой или косвенный контроль. Это, однако, не пресекает их преемственности настолько, чтобы само их существо и смысл менялись бы в корне. Государственное правосудие, даже преобладая и образуя «отрасль» власти, остается все же правосудием до той поры, пока отвечает своей природе. Подобным образом медицина, образование, филантропия (социальная помощь), дорожное хозяйство, экономическое регулирование, навигация, лоцманское дело, борьба со стихиями, местное и корпоративное самоуправление, множество других общественных институтов и функций, освоенных государством или поставленных им под опеку, хранят исконное свое значение. Его определяет, в первую очередь, их происхождение и социальная в них нужда; государственное участие их существа не исчерпывает. И это значит, что продолжение различных функций, институтов и занятий возможно как в составе государственной организации, так и за ее границами. Оно тем более возможно в конституционно устроенном, гражданском обществе, где свободы и права человека, признаваемые, но не сотворенные государством, поставлены на вершину системы ценностей, что делает необходимым личное и

общественное самоопределение, в известной мере свободное от решающего участия государства.

Выводить правосудие лишь из публичной власти на том только основании, что теперь большая часть юрисдикционных споров получает разрешение в судах от имени государства, означало бы анахронизм, когда обстоятельства, наблюдаемые на кратком участке исторического времени, приняты за неизменную данность. Но главное, это обедняло бы ценность и действительные возможности правосудия, лишало бы его той главной части авторитета, что коренится в собственном его значении и не сводится к могуществу государства. Отдаленным и малозаметным, но неизбежным следствием такой логики, если ее уверенно длить, стало бы общее ослабление независимости судов. Есть разница в том, из чего ее выводить – из полезного ли распределения «работ» между учреждениями государства, из разделения ли властей, пресекающего «собрание» власти с авторитарной угрозой гражданской свободе, или все же, не исключая сказанного, видеть в основании судебной независимости служение праву, ни к чему не сводимое. Только в таком служении суд действует «не взирая на лица»; лишь в нем правосудие не зависит ни от кого, даже от государства.

4. Определение третейских, в частности, судов институтом гражданского общества с отказом признать их юрисдикцию внутренне противоречиво. Самому гражданскому обществу в этом случае отказано, по сути, в доверии с подозрением на его неспособность к правосудию, которое должно достаться лишь государству. Оставляя без ответа, Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении справедливо отклонил доводы представителя заявителя о том, что правосудие третейских судов чревато злоупотреблениями, утратой дорогостоящего имущества и даже российского суверенитета. Ведь опасения и упреки такого рода легко обратить и к действующей судебной системе, следуя одному из влиятельных течений в ее общественном обсуждении.

Недоверие государства гражданским институтам конституционно несостоятельно. Если Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно и обоснованно следовал принципу поддержания доверия граждан к действиям государства, то тем более бесспорна обязанность конституционного государства, поставленного на службу обществу, доверять его институтам и самим гражданам, презюмируя их ответственность и добросовестность. Недоверие, выражаемое в исключительности прав государства на устройство и регулирование всевозможных отношений и занятий, обрекает его на расточительность и бездействие в беспочвенном расчете на преувеличенные таланты чиновничества, а граждан побуждает к безответственной требовательности и вместе с тем к безучастности в общих делах. Недоверие это, кроме прочего, противоречит конституционным основам народовластия и признанию конституционных прав высшей ценностью, поскольку единственным его основанием может быть признание за государством отдельных от граждан интересов, следуя которым оно и ограждало бы себя и свои дела от притязаний гражданского общества на соучастие в них и на самоорганизацию.

Действия государства должны следовать презумпции, предполагающей, например, способность муниципального сообщества осуществлять публичную власть в местном самоуправлении без административного подчинения его органов органам государственной исполнительной власти, способность предпринимательства к саморегулированию и социальному партнерству, состоятельность университетской, адвокатской, нотариальной автономии, способность граждан к частной благотворительности и к прочему, что поддерживает Конституция Российской Федерации. В этот ряд встает и третейское правосудие. Признание за третейским судом юрисдикции не противоречит подлинно конституционной действительности, но, напротив, содержательно и целостно соединяется с нею, входит в конституционную перспективу.

Если доверие граждан государству предполагается, то предполагать нужно и взаимность, а также устойчивость доверия к отдельным поводам, угрожающим его поколебать. И если частный случай, когда презумпция доверия государству, например государственному суду, не подтвердилась, не отменяет презумпцию в целом, то и опровержение той же презумпции отдельным актом недобросовестности или некомпетентности гражданских институтов не дает государству оснований отказать им в доверии и обратить его в презумпцию недоверия, например, третейскому суду.

5. Положения Конституции Российской Федерации доверие предполагают и, не отрицая юрисдикции институтов иных, чем государственные суды, не предрешают исключительно государственных юрисдикционных прав.

Во всяком случае, часть 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации признаёт право каждого на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, включая наднациональные суды, не входящие в судебную систему Российской Федерации. Россия признаёт, стало быть, в отношении себя самой и подвластных ей субъектов юрисдикцию иную, чем ее собственная, хотя и образуемую, как и третейские суды, не без ее участия (контроля). Россия признаёт и акты иностранного правосудия, из чего следует, что в нерасторжимую связь с национальной государственностью правосудие не поставлено.

Из положений статьи 10 Конституции Российской Федерации о разделении властей следует, в частности, что органы судебной власти самостоятельны. Это исключает отправление правосудия органами законодательной, исполнительной властей, но не делает обязательным тот вывод, что правосудная юрисдикция возможна лишь в актах государственной судебной власти.

Статья 18 Конституции Российской Федерации, утверждая, что права и свободы человека и гражданина определяют собой деятельность законодательной власти и власти исполнительной, не завершает триаду

судебной властью, но предписывает обеспечение прав и свобод правосудием и тем самым не замыкает его в границы государственной системы разделения властей.

Согласно части 5 статьи 32 Конституции Российской Федерации граждане России вправе участвовать в отправлении правосудия, а не только судебной власти.

В части 1 статьи 45 и части 1 статьи 46 Конституция Российской Федерации различает, с одной стороны, государственную защиту прав и свобод, а с другой – судебную их защиту, гарантируя эти виды защиты по отдельности. Если бы государство поглощало собой правосудие, то судебная защита прав и свобод вошла бы в государственную их защиту и посвященное ей отдельное конституционное положение стало бы избыточным, а это явно не так.

Конституционные положения о разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, а также действительное их исполнение при издании Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» также не позволяют отрицать негосударственную юрисдикцию. Ведь если этот Закон не предполагает его развития в региональном законодательстве, то издан он, следовательно, по предмету собственного ведения Российской Федерации. При этом предмет его регулирования таков, что издание названного Закона можно связать лишь с пунктом «в» (в части защиты прав и свобод человека) и с пунктом «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации, поскольку из других ее пунктов издание такого Закона не следует. Последний же пункт из названных двух относит к ведению Российской Федерации, в частности, судоустройство, гражданское и гражданско-процессуальное законодательство. И поскольку судебная защита прав и свобод предполагается в том числе по гражданскому законодательству, а судоустройство и процессуальное законодательство относятся к правосудию тем более, то издание по таким предметам федерального ведения Закона о третейских судах позволяет определенно

решить, что институт третейского суда располагается именно в области правосудия.

Положения главы 7 Конституции Российской Федерации хотя и объединены титулом «Судебная власть», по буквальному своему значению имеют более широкий смысл.

Во всяком случае, часть 1 статьи 118, устанавливая, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, тем самым запрещает его осуществлять иным властям, но не опровергает третейской юрисдикции.

Положения части 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации связывают судебную власть установленными видами судопроизводства, что само по себе не отрицает юрисдикции негосударственных институтов.

Положения части 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации предусматривают установление федеральным конституционным законом судебной системы Российской Федерации.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» в части 1 статьи 1 допускает осуществление судебной власти исключительно судами в лице судей и присяжных, народных, арбитражных заседателей. Запрещая, далее, другим органам и лицам осуществление правосудия, он берет это понятие в тесном смысле и продолжает его в части 1 статьи 4, по которой правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и названным Законом, а создание судов, им не предусмотренных, не допускается. Из буквального прочтения приведенных законоположений действительно следует, в частности, тот вывод, что третейские суды, поскольку их предусмотрел иной, а не этот Закон, правосудия осуществлять не могут и к судам не относятся. В истолковании этих законоположений, однако, важно иметь в виду, что согласно части 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации названный Закон предназначен установить «судебную систему Российской Федерации» – судебную систему государства. Допуская осуществление правосудия «в

Российской Федерации» только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и названным Законом, часть 1 его статьи 4 перешла к более строгому изложению, при котором понятие правосудия, имея изначально более просторное значение, сократило часть своего смысла. Но юрисдикционную деятельность иных, помимо государственных судов, субъектов этот Закон, во всяком случае, не отрицает. Юрисдикционные права разрешать правовые споры или дела об ответственности имеют даже явно несудебные государственные органы (антимонопольная служба, избирательные комиссии); этими правами пользуются в трудовых спорах, в решениях квалификационных коллегий судей и т.д.

Если дело лишь в терминах, то слова «суд» или «правосудие» можно оставить в титулах государственной судебной системы, чтобы негосударственная юстиция, квазиюстиция довольствовались понятием юрисдикции, которое, впрочем, по смыслу столь близко правосудию, что они сливаются в синонимии. Но если государству отдавать не титулы, а исключительные привилегии вершить правосудную справедливость, при том что она берет свое начало не в государстве, а в праве, то в конституционном смысле такое движение было бы неверным.